

ПОСЛЕ 5 «ЧЕЛОВЕКА-АМФИБИИ»

Этот телефонный номер я набираю вот уже пятый день. Отвечает мне тоненький детский голосок: «Папы нет дома. Он на репетиции». «Папы нет дома. Он на спектакле». Девочке трудно выговаривать такие сложные слова, как «репетиция», «спектакль», она запинаясь, но произносит их серьезно и важно. Я уже знаю, что зовут ее Иринка, ей всего три года. Мы с ней уже так хорошо изучили голоса друг друга, что разговоры наши проходят без длинных предисловий: «А папы опять нет дома». И наконец: «А папа дома. У него сегодня выходной».

С актером Владимиром Кореньевым мы договариваемся увидеться завтра в театре, перед спектаклем.

Обычная ситуация «нет ли лишнего билета?» встречает меня у входа в Драматический театр им. К. С. Станиславского. Я останавливаюсь у афиш. Отважный Робин Гуд, добрый и милый Ленка из «Анны», князь Сережа из «Исповеди молодого человека», прожигатель жизни Вадик из «Жизни и преступления Антона Шелестова», хитрый, изворотливый Филч из «Трехгрошовой оперы» и еще, и еще. В стольких спектаклях занят актер Владимир Кореньев! Теперь понятно, отчего так мало у него свободного времени, отчего так трудно застать его дома.

— И все же почему вы так редко появляетесь на экране?

— Некогда, — отвечает Кореньев. — Действительно некогда. — И добавляет: но есть и еще одна причина — грустная.

Он рассказывает о том, что судьба актера часто зависит от его первой роли. Ведь это только в геометрии считается, что через одну точку можно провести бесчисленное количество линий, а в кино бывает часто наоборот. Потому так много актеров, играющих только «голубых» героев или только злодеев. Стать таким «дежурным» актером на роли добрых, милых героев и боится Кореньев, показавший себя в театре как актер разноплановый. Но если в театре он сыграл за эти годы множество разных ролей — более двадцати, то в кино — всего четыре, к тому же в фильмах не очень удачных.

Прошло восемь лет после выхода на экран фильма «Человек-амфибия», а в адрес Владимира Кореньева по-прежнему ежегодно приходит по нескольку тысяч писем. В чем секрет долгой незабываемости этого фильма, которому критики в 1961 году пророчили короткую жизнь бабочки-однодневки? Вернее, не фильма, а его главного героя?

Ответ надо искать в этих тысячах писем.

«Я пожилой человек. Преподаватель литературы и русского языка. Своим долгом считаю воспитывать в детях великую доброту, сердечность, отзывчивость к чужой беде. И среди многих примеров, на которых я воспитываю своих ребят, есть и этот — рассказ о человеке-амфибии. Это утопия — желание увести людей от зла на земле на дно морское. Но придумана она человеком (я имею в виду автора книги), который хотел добра людям».

Это выдержка только из одного письма. Автор — иркутская учительница.

— А ведь когда я шла к вам, у меня была совсем иная мысль: написать материал под названием: «Как я перестал быть человеком-амфибией», — говорю я.

— К сожалению, для зрителей не перестал. Да и сам помню его, и где-то в душе осталась благодарность этому фильму. Он дал мне не только известность, он дал мне много друзей. Это обязывает относиться к себе требовательно, сурово, ведь надо соответствовать тому, что о тебе думают, как тебя представляют.

После «Человека-амфибии» и «Света далекой звезды» были еще фильмы, но они не сыграли какой-либо поворотной роли в судьбе Кореньева-киноактера: «Дети Дон Кихота» (один из приемных сыновей врача, художник, ищущий себя, свой стиль), «Сыны Отечества» (тоже художник, человек чистого искусства).

— Очень хочется сниматься в кино, — говорит актер.

— А что хочется играть?

— Вопрос для меня не в том, что играть, а — как играть. Я живу, хожу на репетиции, играю в спектаклях и постоянно думаю об этом... Это — главное.

Л. ГАЕВА.

На снимке: В. Кореньев в роли Робин Гуда.

СОВЕТСКОЕ КИНО
Г. МОСКВА,

25 ОКТ 1969